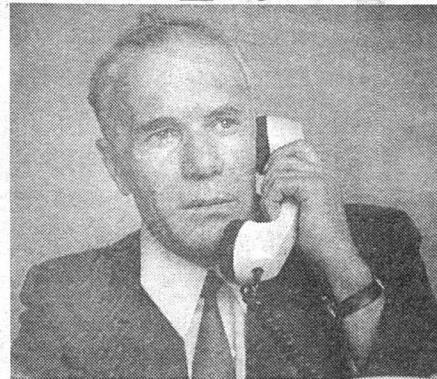


Поэт с грустными глазами

В литературном сообществе Сахалина 1960-х член Союза писателей СССР Александр Мандрик считался одним из наиболее успешных, состоявшихся и, самое главное, востребованных авторов. Пять его поэтических сборников вышли огромным по нынешним временам тиражом в 32 тысячи экземпляров. К тому же трудно было найти второго такого поэта, чьи строки со столь завидной периодичностью звучали бы в островном радиоэфире. Поэт-трибун, искренне влюбленный в острова и их людей, производил впечатление уверенно стоящего на земле счастливого человека. Вот только его глаза при этом были всегда грустными...

Санька Мандрик родился летом 1919 года в иркутском селе с зеркальным названием Илли. С детства привычный к крестьянскому труду, он уже в 14 лет без скидок на возраст работал на животноводческой ферме. И может быть, пошел бы дальше по этому пути, но все планы сломала предательская болезнь. Врачи, к которым попал Александр, были категоричны: никакой учебы, никакой работы! Так и не окончив шестого класса, парень начал путь по преодолению недуга. И ему это отчасти удалось. В 1936 году влюбленного в книгу Александра сначала приняли на работу... избачом (так называлась должность библиотекаря в изб-читальне), а потом по путевке райкома комсомола направили техническим секретарем в политотдел совхоза, в котором даже небольшая газета выходила. Именно в эту многотиражку Александр и стал писать не только стихи, но и целые поэтические фель-



етоны, основой для которых служили критические сигналы читателей. Это могло стать хорошим стартом в профессию журналиста, а обернулось... арестом парня и его заключением на 1,5 года. Мучающий Мандрика вопрос "за что?" так и остался без ответа в течение всей последующей жизни.

Именно тогда установка на справедливость и дала у молодого человека серьезный сбой. А вместе с этим разрушилось и стихотворчество Мандрика. Выход из кризиса, как ни странно нашла... война. Грозовые 1940-е (Александр Климентьевич прослужил в армии с 1941 по 1946 годы) вернули ему чувство художественного слова и веру в себя. Впрочем, это не избавило его от вечно печальных глаз, которые замечал каждый, с кем общался поэт...

Пройдя с товарищами по 113-й стрелковой дивизии десятки километров дорог по Сахалину и Курилам, Александр Мандрик, несмотря на тяготы солдатской службы, влюбился

К 90-летию Александра Мандрика,
освобождавшего Сахалин и Курильские острова
от японских милитаристов

в острова. Здесь, на краю земли, ему легче и дышалось, и писалось. После окончания войны Мандрик вернулся в Иркутскую область, где жадно наверстывал упущенное время (окончил курсы корректоров, посещал занятия литобъединения при филфаке Иркутского госуниверситета). А когда понял, что без островов ему плохо, собрал чемодан и уехал на далекий Кунашир, который ему снился по ночам после победного 45-го.

Именно Курилы, полные кровью фронтовых товарищ, стали отправной точкой творчества и тех пяти сборников ("Мои Курилы", "Утренние острова", "Рассвет над Сахалином", "Сила жизни", "Стрежень"), которые Александр Мандрик выпустил в Сахалинском книжном издательстве в 1960-1980-е годы.

Надо сказать, что лишенный возможности учиться в юности, Александр Климентьевич был высокообразованным человеком. И это привлекало к нему многих людей, в том числе и молодежь. Мало кто сегодня знает, но именно Мандрик на протяжении почти двух десятилетий выполнял роль внештатного литконсультанта газеты "Советский Сахалин". Через его руки прошли десятки людей, пробующих себя в поэзии. И некоторые из них, взяв уроки мастерства у тактичного, интеллигентного и очень доброго Мандрика, сегодня стали замечательными поэтами, членами Союза писателей России.

В последние годы жизни здоровье у Мандрика резко ухудшилось. Но это никоим образом не сказалось на работоспособности поэта, который, бесспорно, был счастлив прежде всего в творчестве. Причем стихи последних лет (и в том числе его, как теперь определяют, итоговый цикл "Лебединая песня") резко отличаются от того, что было создано в 60-70-е годы прошлого века. Эти стихи, которые практически полностью ослепший поэт надиктовывал на старенький магнитофон, столь же просты по слогу, но неизмеримо глубже по своей сути. Нерв в них оказался вырвавшимся наружу. И очень жаль, что сегодня эти строки, хранящиеся у дочери Татьяны, не могут дойти до широкого читателя, ценящего образное поэтическое слово. Надо отдать должное и сказать большое спасибо работникам областного архива (они собрали в одноэкземплярный сборник часть этих поздних стихов) и сотрудникам отдела краеведения областной научной библиотеки, бережно сохраняющим не только, увы, уже редкие книги поэта, но и всю информацию о нем в периодике. Кстати, в нашей главной библиотеке можно взять почитать не просто книги Мандрика, а издания с автографами поэта. И когда такая книга попадает тебе в руки, поверьте, испытываешь особое чувство. И ощущение того, что с тобой... разговаривает сам автор. А раз есть диалог, значит, и поэт жив.

P. S. Александра МАНДРИКА

РАССВЕТ НАД САХАЛИНОМ

Скалистый берег прятался во мгле.
И тишиной обманывал до срока.
Мы подошли на минном корабле.
Почти вплотную к спящему Маока.

Когда в огне стремительных атак
Мы поднялись на гребень перевала,
Для нас заря торжественно, как флаг,
Над Сахалином развернулась ало.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦУ

До тебя здесь никто еще не был.
Это ты увидел с корабля -
Там, где море сливаются с небом,
Полосой показалась земля.

Ты от крика не мог удержаться,
На вершинах заметив дымок:
- Острова-то, смотрите, курятся!
И Курильской грядой нарек.

И никто это русское имя,
Возвещенное миру тобой,
У седых островов не отнимет
Ни обманом, ни лютой борьбой.

Ты нашел их в суровых походах,
Мы из мрачного плена спасли.
И алеют знамена свободы
На вершинах Курильской земли.

И хотя ты сегодня не с нами -
Нас с тобой разделяют века, -
Над грядой победное знамя
И твоя поднимает рука.

В курильском дозоре стою не один
У пенных валов океана.
...Выходит ко мне капитан Головин
На берег со шлюпа "Диана".

А следом за ним мореходов отряд:
Атласов, Хвостов, Козыревский...
Герои России становятся в ряд
Под ветер соленый и резкий.

Я вижу, как рвет паруса ураган
И волнами шлюпы таранит,
Но люди упрямо идут к берегам,
Укрытым в свинцовом тумане.

Не остров сокровищ искали они,
Не почестей царских, не славы, -
На подступах дальних горели огни
Во имя Российской державы.

ДЕСАНТ

Скалистый остров загудел
От орудийного раскаты.
По грудь в бушующей воде
В атаку ринулись солдаты.

За ними вздыбился прибой
От края бухты и до края,
И он на берег рвется в бой,
В разбеге силы набирая.

"Ура", рожденное внизу,
На сопки выкатилось валом.
Японский флаг у амбразур
Склонился низко перед алым.

БЛАГОДАРНОСТЬ

К погранзаставе подступил шиповник
Сплошным букетом разноцветных роз -
Как будто их народ собрал любовно
И в благодарность воинам принес.

ГЕРОЙ

Он так и застыл с трехлинейкой в руке
В порыве к неистовой схватке:
Расставлены ноги в могучем броске,
Взметнулась крылом плащ-палатка.

Он, видно, патрон досыпал на бегу -
Остался затвор незакрытым.
Суровые складки у сокнувших губ,
Казалось, из стали отлиты.

Его подпирала крутая скала
Напротив японского дзота.
И мертвым боец походил на орла
В момент величавого взлета.

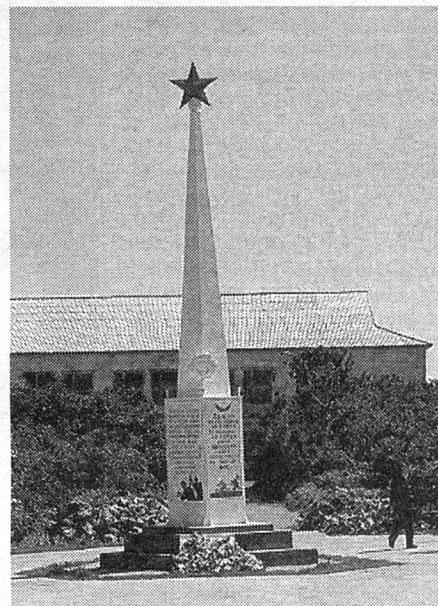
ПО ХОЛМСКОЙ ДОРОГЕ

Колышет ветер за канавой ветки,
И чьи-то тени прячут косогор.
Но я-то знаю: там идет в разведку
От нашей роты головной дозор.

И не деревья к скалам оголенным
Взираются вразброску по хребту, -
Рассредоточась, цепи батальона
Отважно занимают высоту...

Передо мной туманные отроги
Как будто бы в пороховом чаду.
По холмской, по извилистой дороге,
Припоминая прошлое, иду.

Ни вещмешка на мне, ни автомата,
Но все, что есть в знакомой стороне,
Встречает дружно бывшего солдата,
И как тогда, в далеком сорок пятом,
Березки в пояс кланяются мне.



ОБЕЛИСК

Когда Шумшу разглядываешь близко,
То сразу замечаешь с корабля -
Увенчана гранитным обелиском
Ветрами опаленная земля.

Клубясь, плывут над памятником
острым,
Как дым войны, седые облака.
И, кажется, что оглашает остров
Призывающий клич героя-моряка.

Он тут метнулся к амбразуре дзота
И заслонил товарищей собой,
Когда они навстречу пулеметам
С десантной баржи уходили в бой.

И перед этим островом отваги
Любого флота наши моряки
На стройных мачтах приспускают
флаги
И посыпают длинные гудки.

НАГРАДА

Уставший сейнер у причальной стенки
Покачивают волны не спеша.
Кипит вода чугунного оттенка
За опояской холмского ковша.

Когда повиснет синим абажуром
Над Сахалином звездный небосвод,

Два маяка, как воины, дежурят,
Сигналя мореходам у ворот.

От берега, где камни постепенно
Отшлифовали частые шторма,
Стремительно, как будто
по ступеням,
На скопки поднимаются дома.

Как брата, город мне обнять охота,
Мы с давних пор приходимся сродни -
Я штурмовал с десантной пехотой
Вот эти склоны в памятные дни.

Передо мной кварталы ряд
за рядом
Построились, как войско на площаду.
И, может, в этом высшая награда -
За ратный подвиг бывшему бойцу.

ЧАСОВЫЕ ПОКОЯ

Всем такая картина знакома:
У балконов, листвой шевеля,
В глубину обитаемых комнат
Заглянуть норовят тополя.

Только знает ли кто, что когда-то,
Отомкнув после боя штыки,
Принесли в этот город солдаты
Молодых тополей черенки.

И теперь, как бойцы
в плащ-палатках,
У домов белокаменных в ряд
Тополя в нерушимом порядке
Часовыми покоя стоят.

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Ты говоришь: "Земля большая,
И не сошелся клином свет..."
Но если всю ее обшарить -
Нигде готовой доли нет.

Тебя в края иные тянет,
Где не свирепствует пурга.
Мол, без меня островитяне
Пусть обживают берега!

А ты останься здесь попробуй.
Твое признанье впереди.
И ты к нему через сугробы
Свою дорогу проведи.

Тогда увидишь, как по следу
Идут другие за тобой.
И эту трудную победу
Сочтешь счастливою судьбой.